

ВАСИЛИЙ СЕНКЕВИЧ

Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, INiBI

ИЗБЫТОЧНАЯ ПАРАДИГМА «ГОДЫ-ЛЕТА» В АСПЕКТЕ ОНТОГНОСЕОЛОГИИ

Redundant paradigm «years – times» in aspect of ontognoseology

Antithesis of juvenility and senility is examined in connection with grammatical presentation of redundant paradigm «years – times». In the context of understanding of the meaning of existence and the idea of being the thesis of not an existential nature of senility is formulated. In ontognoseological aspect the contraposition of concepts of «reality» and «actuality» becomes meaningful.

Keyword: account, calculus, reality, senility, antiquity, juvenility

*Жьві і цэльнасці шукай...
(Максім Багдановіч)*

Парадигма числа слова год

Грамматика русского языка определяет, что парадигма числа слова *год* (ед. ч. *год* – мн. ч. *годы*) является избыточной. В эту двухчленную оппозицию по числу не вписывается слово *лета*. Получается, что оно лишнее, потому что значение множественности выражено формой мн. ч. – *годы*, образованной от формы ед. числа *год*. Однако язык не обходится без этой якобы избыточной формы. В русском языке слово *лета* не только существует как архаическое, но и широко употребляется в сочетаниях с количественными числительными. Так, норма не допускает *пять годов*, *семь годов*, *восемь годов* и т.д. – только *пять лет*, *шесть лет*, *семь лет*, *восемь лет* и т.д. Кроме того, тема -*лет*- обнаруживает деривационную продуктивность при образовании существительных типа *семилетка*, *восемилетка*, *десятилетка* (о школах); прилагательных: *семилетний*, *восемилетний*, *десятилетний*, *трехлетний* и т.п.; также существительных: *семисотлетие*, *пятидесятилетие*, *пятилетие* и т.п.; «...*летний* – вторая составная часть сложных слов, обозначающая: во столько лет, сколько указано в первой части»; «...*летие* – вторая составная часть сложных слов,

обозначающая срок во столько лет, сколько указано в первой части» (МАС)¹. Подобная деривация не свойственна слову *год* (не употребляется: *семигодка*, *семидесятигодие* и т.п.). Оказывается, что слово *лета*, избыточное в грамматической парадигме числа, не является таковым в аспекте деривационном.

Счет и исчисление

Нетождественность слов *годы(а)* и *лета* связана с различием действий/операций, которые обозначаются глаголами *считать* и *исчислять*. Слово *год (-а)* употребляется, как правило, тогда, когда речь идет о счете. «*Ты кукушка брось куковать мне года считая...*» – поет А. Пугачева. *Отношусь к той категории людей, которые не считают года, а рассчитывают свои силы* (Интервью с Анатолием Ярмоленко)². *Считать* – значит «называть числа в последовательном порядке» (МАС), напр.: *двадцать один, двадцать два, двадцать три* и т.д.; счетные числительные определяют количество предметов (*пять яблок, семь домов* и т.д.). Счет помогает количественно определить и упорядочить предметный мир.

В отличие от счета, исчисление осуществляется годами – говорится о *летоисчислении*. Считают, начиная сначала или с конца. При исчислении отсутствует представление о начальном и конечном. *Исчислять* – «высчитывать, вычислять» (МАС)³. В операции исчисления нет начала, однако непременно есть какой-то исходный момент. Обычно это легендарное событие: летоисчисление от рождения Христова, от сотворения мира⁴. Исчисление – понятие не историческое, но архаическое (*архе* – исход). Слово *лета* существует в русском языке как архаизм.

¹ Здесь и далее: МАС – Малый Академический Словарь: *Словарь русского языка*, в 4-х т., под ред. А.П. Евгеньевой. Москва 1981-1984.

² <http://tv.sb.by/kultura-12/article/schitat-goda-luchshe-rasschityvat-sily.html>

³ Исчисление иначе называется калькуляцией (от лат. *calculatio* – вычисление).

⁴ В операции исчисления непременно присутствует представление о единице исчисления: *И если в Руси всю землю измерить прямо и исчислить десятинами, то я чаю, что десятин миллионов десятка два-три и больше будет* (И. Т. Посошков, *Книга о скудости и богатстве*); *Силы добровольческой армии к этому времени исчислялись в девять тысяч штыков и сабель и четыре тысячи лошадей* (А. Н. Толстой, *Восемнадцатый год*).

Изменения и реальные перемены

С годами как единицами счета времени ассоциируется представление об изменчивости. Известно, что годы *идут, летят, проходят, пролетают* и т.д. Обычные контексты: *Шли года...; Прошло два года. А годы летят, наши годы, как птицы, летят...* (Из песни). *Года идут, а дурь все та же. Года идут, а дружба остается* (Посл.). Слово *год (годы)* употребляется с глаголами движения. Все изменяется со временем – с каждым годом, месяцем, днем и т.д.

Лета не идут, но *минуют*: «Двадцать пятое зачинаю жити в Сибири лето и не нажилем себе доброго ничего ни в душевном, ни в телесном <...> Лета минуют, смерть за плечима, а где грешник явится, когда праведный едва спасется» (Мельникова 2015, 545)⁵. Смысл минования выражается устойчивыми словосочетаниями *оставаться позади, отойти в область воспоминаний, кануть в небытие, отойти в вечность*. В отличие от бывшего минувшее причастно бытию: *Чему быть, того не миновать* (Посл.); но ср.: пол. *Co było a nie jest nie pisze się w rejestr*. Былое – «было, прошло и быльем поросло», а минувшее никуда не девается; оно становится не актуальным. *Было* или *минуло* (пол. *było-minęło*) – вопрос, связанный с бытием-небытием. Бывшее противопоставляется настоящему, а минувшее – нынешнему: *Как посравнить да посмотреть Век нынешний и век минувший* (А. Грибоедов, *Горе от ума*). *Ныне* не означает «в настоящее время», но осмысливается как «в это пору», «об эту пору».

Время считается важнейшим атрибутом действительности. Слово *действительность* производное от слова *действие*⁶. Действуют живые существа, наделенные волей, стремящиеся к цели. Однако, отмечает А. М. Пешковский, «в таких глаголах, например, как *умер, родился, заболел, простудился, упал, ушибся* и т.д., мы едва ли заметим «намеренные» действия. Нам смешна школьная формула *что*

⁵ Письмо бывшего тобольского митрополита Филофея Лецинского (в схимонахах Федора) к Феофану Прокоповичу с просьбой о позволении выехать из Сибири в Киево-Печерскую Лавру (Филофей (Р.Б. Лецинский) // Киевские епархиальные ведомости. 1877. № 20).

⁶ Одним из первых в обиход русской философии термин *действительность* в 1877 году вводит Владимир Соловьев в *Примечаниях к Философским началам цельного знания*. Это слово представляло собой кальку с нем. *Wirklichkeit*. Немецкое слово было введено Майстером Экхартом как перевод схоластического понятия *actualitas*, которое в свою очередь восходит к греческому термину *энергия* из философии Аристотеля (<https://ru.wikipedia.org/wiki>)

сделал? – умер» (Пешковский 1956, 79). К глаголу *умер* подходит вопрос «что произошло?». Другое название для происходящего – *реальность*. В реальности ничего не делается, однако непрерывно нечто происходит. В. И. Жуковский замечает, что «если под реальностью понимать мир вещей (лат. *realis* – «вещественный»), то действительность – это мир вещей, в котором действуют (лат. *dei* – «деятель»)» (Жуковский 2011, 97).

Действительное противопоставляется не действительному и возможному. Все возможное может стать действительным. Реальное же противостоит нереальному и вероятностному; ср.: *степень возможности*, но: *доля вероятности*. Синонимы нереального – *фантастическое, химерическое, эфемерное, ирреальное, иллюзорное* и т.п. Реальное существует как актуальное (*актуальная реальность*) и потенциальное. В онтогносеологии С. Л. Франка актуальное и потенциальное, вместе с переживанием человека своего бытия и осмыслением этого бытия, суть структурные элементы реальности. Мир предстает не просто множеством видимых предметов, но включает в себя самого наблюдателя или участника событий. С этой точки зрения мир как целостность воспринимался в качестве некой сущности, наполненной внутренним смыслом, и человек должен стремиться понять этот смысл и соотнести с ним собственные нужды и замыслы (Семенюк 2012, 153).

Находясь в реальном мире, человек обычно не затрудняет себя вопросами о его реальности. Реальность воспринимается как само собой разумеющееся. «Обычно называют реальностью <...> то, во что мы верим крепкой и устойчивой верой» (Ортега 1991, 488). С точки зрения науки, реальность интерпретируется «как качество, присущее феноменам, обладать бытием (разрядка наша – В.С.), независимое от нашей воли и желания (мы не можем «от них отделаться»)» (Бергер, Лукман 1995, 232).

Время реальности не принадлежит, так как качеством бытия не обладает: *Также и времени нет самого по себе, но предметы // Сами ведут к ощущению того, что в веках совершилось...* (Луcretий Кар, *О природе вещей*). Нереальность времени обусловлена его относительностью. Время – форма сознания, грамматическая категория, дающая возможность определиться в изменчивом мире. «Бытию, для того только, чтобы быть, нет нужды в движении...» (Герцен 1948, 151), а следовательно, оно не нуждается и в представлении о времени.

В реальности ничего не изменяется, однако периодически происходят перемены⁷. Перемена (мена, смена, замена, обмен и т.п.) не является изменением. Изменчивость и переменчивость – совершенно нетождественные понятия. Сменить (поменять) можно одежду, масло в двигателе и т.п. Однако нельзя сменить друга, жену: *Но жена не рукавица: С белой ручки не стряхнешь Да за пояс не заткнешь* (А. Пушкин *Сказка о царе Салтане*). Можно изменить дружбе, супружеству (но ср.: *предать родину*).

Всякие изменения совершаются в результате превращения. Одно превращается в другое. Всевозможными превращениями полны сказки: лягушка превращается в царевну; братец-Иванушка превращается в козленочка и т.д. При изменении обязательно присутствует представление о другом – превращенном. Превращение – троп. В *Трудах по филологии 1739–1758* М. Ломоносов в качестве «способа к изобретению вымыслов» приводит превращение:

Шестой способ к изобретению вымыслов есть *превращение*, когда что в другое (зачеркнуто несходное) превращается (разрядка наша – В.С.); примеров сего весьма довольно, а особливо у Овидия, ибо он о превращениях сочинил пятнадцать книг, из которых для образца следующее предлагается к превращению (пременению) нимфы Дафны в лавровое дерево:

Едва она свою молитву окончала,
Корой покрылась грудь, оцепенели члены,
И руки отрасльми, и ветвямя власы,
Глава вершиною и ноги корень стали.
Однако Феб любя к стеблю рукой коснулся,
Почул, как бьётся грудь под новою корою
(Ломоносов 1952, 230-231).

Превращение отличается он *пременения* (буквально *пере-менения*). Слово *пременение* современным русским языком утрачено, однако сохранились однокоренные слова – *непременно, непременный*⁸. *Пременение* противопоставляется *преложению*. В одной из молитв читаем: *Безначальный и Присносущный Свете, у Него же несть пременение,*

⁷ Со школы известен переместительный закон сложения: «От перемены мест слагаемых сумма не изменяется».

⁸ В составе названий некоторых должностей в дореволюционной России. *Непременный секретарь. Непременный член комиссии. Непременный заседатель* (МАС, II, 468).

или преложения осенение⁹. Речь здесь о *непременном* (бессменном) и *непреложном* (неизменяемом) Божественном Свете. Материальный свет периодически меняется – бывает утренним, дневным, вечерним. Непременный же Божественный Свет разным не бывает – всегда один и тот же. Он также непреложен – его нельзя изменить (ср. *Непреложный закон*). Непреложность – постоянство; непременность – ровность (стабильность)¹⁰. Равное не то, что *ровное* (*одинаковое, один в один, точь в точь*). *Равный* – постоянный в каком-л. отношении; «...*равенство* или *неравенство* тел именуют отношениями» (Гобс 1964, 161). Ровность же принадлежит к области абсолютного. Равному противопоставляется *различное*, а ровному – *разное*. Реально только *разное* и *одинаковое*. Различное относится к действительному.

Разность замечается в процессе становления одного и того же. Одно состояние сменяется последующим: птенчик становится птицей, ребенок – взрослым. Нечто сохраняет внутреннее тождество с самим собой, несмотря на происходящие с ним перемены. Выделяются разные периоды (стадии этапы, вехи и т.п.) развития одного и того же, сохраняющего тождество и неизменного по сути. « ...Одно и то же животное бывает то гусеницей, то шелковичным червем, то бабочкой...» (Лейбниц 1983, 247). Заяц, летом серый, а зимой белый, остается тем же самым зайцем. Хамелеон меняет окраску своей кожи при перемене цвета окружающей среды. Нечто способно меняться до неузнаваемости, однако оно не превращается в другое, не перестает оставаться тем, кем оно есть на самом деле. То, что способно сохранять тождество, несмотря на происходящие с ним перемены, называется *субстанцией*. Субстанциональное выступает в разных индивидуализированных подобию – версиях, экземплярах, конфигурациях, опциях и т.п.

Субстанция противопоставляется форме и функции. Вариантные формы могут быть сведены к одному неизменному инварианту. Однако единственное по числу не означает единое по роду. Вариант фиксирует отличие, версия – сходство. Реально только сходство.

...род рассыпается во все стороны едва исчислимыми вариациями на основную тему; иные виды забегают, другие отлетают, третьи составляют переходы и промежуточные звенья, и весь этот беспорядок не скрывает внутреннего

⁹ Молитва 5-я, святого Василия Великого

¹⁰ – *Теперь между нами все равно...*, – говорит один из «братков» (фильм *Ментовские войны*).

своего единства для Гете, для Жоффруа Сент-Илера; он только непонятен для неопытного и поверхностного взгляда (Герцен 1948, 136).

Реальный мир – арена сменяющихся событий, в которых человек способен улавливать идентичность, несмотря на происходящие перемены.

Каждое человеческое существо уже в самом раннем детстве обретает способность различать и распознавать объекты. Потому мир человека является не калейдоскопическим рядом чувственных впечатлений, а осмысленной, непрерывно меняющейся ареной событий, в которой известная реальность сохраняет свою идентичность (разрядка наша – В.С.), несмотря на ее изменчивые аспекты. Эта способность мышления пренебрегать разностайностью чувственных впечатлений и отмечать их инвариантный характер (как нечто одно целое) кажется мне наиболее выразительным моментом нашей духовной структуры (Борн 1963, 281).

Под разными обличьями («экземплярами», «копиями», «версиями») объекта мы распознаем «того самого». Перемены состояния знаменуют развитие. Непрерывная калейдоскопическая метаморфоза мира не проходит бесследно; разные версии одной и той же сущности, возникающие в процессе развития, запечатлеваются в памяти и становятся достоянием номинативной сферы языка¹¹.

Как правило, старость ассоциируется не с переменами, а с изменениями, приводящими к патологии.

Возрастные изменения в организме человека после 30-40. Блеск в глазах исчез, зрение ухудшилось, мышцы ослабели, работоспособность снизилась – вот наступление биологической старости в общих чертах. Изменения происходят постепенно <...> Старение – это большое количество внешних изменений тела, внутренних органов и систем организма¹².

Время и возраст

Реальные перемены осмысливаются периодически – как наступившая *пора*. Понятие поры противопоставляется форме сознания – времени, ср: *до поры до времени; пришло время, настала пора*.

¹¹ Разные возрастные периоды индивида сопровождаются номинативной фиксацией в пластичном по сути имени собственном: *Иван Петрович* – уже не *тот Ваня*.

¹² <http://www.happydoctor.ru/obzor-pressy/age-related-changes>

Пора – то, что есть: *Есть в осени первоначальной, короткая, но дивная пора...*(Ф. Тютчев). Порой называют лету, зиму, осень, весну. Бывает *осенняя пора, весенняя пора*, однако обычно не говорится об *осеннем времени, весеннем времени* и т.д. (ср.: *летней порой*, или *летом* и т.д.). Пора минует (*минувшая пора*), бывает давней (*с давних пор*).

«В жизни растений, как и в жизни животных, – отмечает Тимирязев, – мы замечаем необходимую смену поколений, неизменное чередование различных ступеней развития, которые мы называем возрастом» (Тимирязев 1939, 123). Возраст – «количество прожитых лет» (МАС). В философии возраст – период, этап развития человека. Возраст – неотчуждаемая принадлежность живущего: возраст «*мой*», «*твой*», «*его*», «*их*», «*наш*». Время отчуждаемо – «свое» (*Всему свое время*).

Лето – единица исчисления возраста. В русском языке возраст исчисляется дескрипциями с компонентом *-летний*: *трехлетний, семилетний, сорокалетний, столетний* и т.п. *Сколько ему лет? человек средних лет; человек преклонных лет, в летах* – о пожилом человеке. *в (во) цвете лет; войти в лета, в возраст* – стать взрослым; *выйти из лет, выйти из возраста* – превысить какой-л. возрастной период (для поступления куда-л., для выполнения какой-л. работы. МАС). Определение *прошлогодний* указывает на бывшее в прошедшем году. Оно не тождественно дескрипции *летошний*. Последней отмечается возраст (*летошняя телка* – годовалая); дескрипция обладает реальной референцией: *Летошники* – топоним в Брянской области; *Летошнев* – фамилия.

Со временем связывается представление о регулярности: *каждый год, каждый день, каждый час* и т.д. В реальности регулярность (правильность) не замечается. Реальное осуществляется периодически. С этим понятием связана хронология развития. *Лето* – период. Словом *период* называется пора года – *летний период*. В восклицании *Сколько лет, сколько зим!* проявляется смысловая двойственность слова *лето*.

Исчисление «летами» известно и в других языках. Нем. *Jahr*, как и родственное ему англ. *year*, восходит к общему индоевропейскому корню, равно как пол. и словац. *jar*, чеш. *jár* – «весна» (ср. рус. *яровые хлеба*). Рост и развитие исчисляется не только периодами, но и сроками, стадиями, веками, эрами, эпохами. *Год* же осмысливается как

цикл (*годовой цикл*)¹³ – кругооборот явлений за некоторый промежуток времени. Свойство цикличности имеет все, что последовательно повторяется во времени.

В древности возраст исчислялся периодами, называемыми *седмицами*¹⁴. В древних славянских рукописях находим следующие возрастные периоды:

до седми лѣтъ младенецъ,
до в (2) седмиць лѣтъ отроча
до г (3) седмиць лѣтъ отрокъ,
до д (4) седмиць лѣтъ юноша,
до и (8) и седмиць лѣтъ мѹжь,
и ѿтолѣ старецъ

(Миронова 2009, 27).

Младенецъ, отроча, отрокъ, юноша, мѹжь, старецъ – возрастные категории. Возрастная категоризация не совпадает в разных языках. Так, рус. *младенец* – «маленький ребенок» (*младенческий возраст*); пол. *młodzieniec* – «młody mężczyzna» (PSJP, 471); ср.: *niemowlę* – «małe dziecko jeszcze nie umiejące chodzić i mówić» (PSJP, 528); *отрок* – *pachole, chłopiec*. В русском языке не выделяется такая возрастная категория, как пол. *nastolatek* «chłopiec mający kilkanaście lat; rzadziej o dziewczynie; *nastolatki* «młodzież w wieku od jedenastu do dziewiętnastu lat» (PSJP, 509). Рус. *юноша* соответствует пол. *młodzieniec*; *юность* – «wczesna młodość». Пол. *mąż* (супруг) не является возрастной категорией. Возраст актуализируется в *chłop* «dorosły mężczyzna».

В русском языке слова *старик* и *старец* не тождественны. В отличие от *старца, старик* – это определение, а не возрастная категория. Говорится не о *старом*, а о *старческом* (от *старец*) возрасте. Номинация *старец* в русском языке известна как архаизм. В ней актуализируется момент древности: *древний старец; Древние старцы сидели на кромках сухого канала, как бы ожидая появления воды* (Павленко, *Труженики мира*). Эта номинация обладает реальной референцией. Так, *старцем* называют пожилого монаха, отшельника:

¹³ Русск. *цикл* (также стар. *цьклиц*) зафиксировано при Петре I; заимств. через польск. *cykl* или нем. *Zyklus* – то же из лат. др.-греч. κύκλος «круг; окружность» (восходит к праиндоевр. **qwel-*, **qwol-* «вращать» (М. Фасмер)

¹⁴ *Седмица* (буквально «семерка», от слав. седмь) – также церковнославянское название недели.

– Я старец. Старцем я прозываюсь потому, что греховную суету оставил и удалился в пустынножителство (Салтыков-Щедрин, *Губернские очерки*). Старцем также называют духовного наставника: – Сам он еще недавно целых два года в деревне у некоего старца под духовным началом был (Достоевский, *Преступление и наказание*). Слово же *старик* не называет, но характеризует старого человека.

Смысловыми эквивалентами номинации *старец* выступают слова *аксакал*, *патриарх*, *старейшина*, *мудрец*. К этому же смысловому полю принадлежит рус. *дед*. Номинация *дед* не эквивалентна слову *старик* (аналогично – *бабушка* не *старушка*). Она имеет конкретную референцию (*чей дед?*), выступает термином родства. Фраза же «*Чей это старик?*» в русском языке некорректна. Слова *старик*, *старуха* не связаны с родством и не называют существующие реалии.

Старый, ветхий, давний, древний...

Прилагательное *старый* обозначает определенное свойство, а не называет реальное качество. Для называния качеств применяются дескрипции, обладающие номинативной валентностью.

Возрастные перемены, происходящие с человеком, реальны. Ими детерминированы субстанциональные состояния, референция которых осуществляется дескрипциями *древний*, *давний*, *архаичный*, *ветхий*, *ископаемый*. Подобные состояния обладают культурной релевантностью. Так, не бывает *старой культуры*. Культура как феномен реального мира бывает *древней*, *архаичной*.

Стоит также возразить против отождествления *старого* и *ветхого*. *Ветшать* не означает «стареть». Ветхость – реальное качественное состояние; *ветхое* – изношенное, а потому негодное. Это состояние связывается с потерей могущества (мощи) – немощностью. Ветхое понимается как неактуальное, архаическое,¹⁵ не способное к проявлению. Однако ветхое способно найти себе применение и стать актуальным в ином качестве. Толковый словарь не различает *старое* и *ветхое*, напр.: ср.: ветошка – «старый лоскут чего-л., старая тряпка» (МАС, I, 158). Ветхое способно актуализироваться в моде – потертые и протертые джинсы. Есть вещи и «тряпки». Вещь как реалья никуда не девается, но переходит в иное состояние.

¹⁵ Говорится о «*ветхом Адаме*»; *Ветхий завет* – древнейшая часть Библии.

Старость – свойство предмета (лица). Как и всякое свойство, оно обнаруживается в отношениях: – *Стар я, батюшка, чтобы лгать: седьмой десяток живу* (Гоголь, *Мертвые души*). Старость не является качественным состоянием человека. В реальном мире старости нет. По сути человек старым не бывает. Старость – атрибут действительности. Характерно, что определение *старый* имеет значение «недействительный по происшествии определенного времени или по использовании» (*старый пропуск, старый автобусный билет, старый календарь*) (МАС, V, 253).

Как правило, старость ассоциируется со слабостью – нехваткой сил¹⁶. В русском языке от прилагательного *слабый* образуется наречие *слабо*. Однако в просторечии выступает версия *слабо* (в смысле «трудно»): *Тебе слабо поднять этот чемодан!* «Слабо» – название шоу, где соревнуются две команды, берущие друг друга «на слабо»; также игра под названием «А Вам слабо?». Выражение *слабо* применяется, когда речь идет не о возможности что-то сделать, а о способности нечто осуществить. Перенос ударения знаменует переход из мира возможности (мочь) в мир вероятности (быть способным).

Старость – относительное временное определение жизни. Бытует мнение, что можно быть старым и в 30–40 лет, а в 90–100 лет – только пожилым. В рассказе М. Горького *Старуха Изергиль* героиня говорит: – «У!.. стариками родитесь вы, русские. Мрачные все, как демоны... Бояться тебя наши девушки... А ведь ты молодой и сильный... (Горький, *Старуха Изергиль*).

Прилагательным *старый* не отмечается возраст человека. Им высказывается мнение о человеке, имеющем соответствующие этому свойству признаки. Относительность определения *старый* очевидна. *Старик* – это обращение не обязательно к старому человеку. Оно распространено как фамильярное или шутовское к человеку, независимо от его возраста («Привет, старик!>). Представления о том, кого считать старым, изменчивы. Существует противоречие между количеством реально прожитых лет – возрастом, и определениями старости.

Относительность определения *старый* подтверждается многочисленными примерами из художественной литературы. Так, о писателе Кармазинове, изображенном Достоевским в *Бесах* как шарж на Тургенева – убежденного врага славянофильства, – сообщается

¹⁶ Ср.: *занемог* и *заболел*, *болеть* и *недомогать*, *болезнь* и *недомогание*. *Слабый* не значит *немоцный*.

следующее: *Это был очень невысокий, чопорный старичок, лет, впрочем не более пятидесяти, с довольно румяным личиком, с густыми седенькими локончиками, выбившимися из-под круглой цилиндрической шляпы* (Достоевский, *Бесы*). Другой герой этого произведения – Степан Трофимыч Верховинский – в свои 53 года также считает себя стариком: – *Но... я уже старик!* (Достоевский, *Бесы*). С ним не соглашается его попечительница Варвара Петровна: – *Что значат ваши пятьдесят три года! Пятьдесят не конец, а половина жизни. Вы красивый мужчина, и сами это знаете* (Достоевский, *Бесы*). Тем не менее, окружение Степана Трофимыча называет его стариком: *Я же обошел всех, по его просьбе, и всем наговорил, что Варвара Петровна поручила нашему «старикуну» (так все мы между собой звали Степана Трофимыча) какую-то экстренную работу...*(Достоевский, *Бесы*).

В произведениях Л. Толстого одни герои представляются старыми, другие – молодыми, несмотря на их реальный возраст, о котором читатель узнает мимоходом или додумывается. Например, у Л. Толстого в романе *Война и мир* читаем: *Анна Павловна Шерер, несмотря на свои сорок лет, была преисполнена оживления и порывов.* (Л. Толстой, *Война и мир*). Получается, что оживление для сорокалетней женщины не свойственно. Вот как пишет Л. Толстой о матери Наташи Ростовской: *Однажды вечером, когда старая графиня (...) вздыхая и кряхтя...* Или она же: *... трясясь всем телом, засмеялась добрым, неожиданным старушечьим смехом.* А «старушке»-то нет еще и пятидесяти. Анне Карениной на момент ее гибели было 28 лет, Алексею Вронскому – всего 23 года. И уже совсем неожиданным для читателя оказывается возраст «старика»-мужа Анны Карениной – Алексея Александровича, которому – 48 лет.

Реальна *древность*, или *давность* – длительное существование чего-кого-л. Референция древности проявлена в номинациях государств: *Древняя Греция, Древний Рим, Древний Египет, Древняя Русь* и т.п.¹⁷. То, что раскапывается (откапывается) называется *древним*: *Археологи обнаружили древнее поселение.* Давность (архаичность) исчисляется *летами*: *В архиве хранятся документы двадцатилетней давности.*

¹⁷ Древний мир – это период, который занял свое место в человеческой истории, а также который выделяется в промежутке между концом доисторического времени и самым зарождением средних веков (Википедия).

Когда говорится о *давнем* (*давнишнем*), то отсчет осуществляется от реально текущего момента. Слово *момент* не называет какой-то промежуток времени. Момент связан с происходящим. Временное значение свойственно словам *мгновение*, *миг*, *минута*, *секунда*. Определение *старый* не предполагает текущего момента. Счет ведется от какого-то времени: *старый* – «появившийся задолго до настоящего времени» (МАС, V, 252).

Противопоставление *старости* и *давности* замечается в прилагательном *стародавний* – *старый* и *давний*, т.е. прошедший и минувший. Присутствует представление о *старом времени*, о *добром старом времени*. О *времени оно*. Однако *давнего времени* не бывает. Вряд ли выражение *древнее время* корректно. Неверно трактовать *древнее* как «очень старое». В *древнем* актуализируется момент сохранения: *древний* – существующий или сохранившийся с давних пор (*древний обычай*). Древнее связано со смыслом «прежде» (ср. чешск. *dříve* «прежде», польск. *drzewiej* «раньше», стар. *drzewie* «прежде»). Прежнее – доисторическое; то, что «прежде всего», т.е. архаическое. Прежвременный – буквально «прежде времени» (до времени). Вопрос звучит так: *было раньше* или *происходило прежде*?

Старость – изменение свойств, древность (давность) – перемена в качественном состоянии. Изменения могут идти к лучшему или худшему (в лучшую или худшую сторону). Представление о *старом* (как и *новом*), как правило, сопровождается оценочным отношением. Старость получает отрицательную оценку: *Старость не радость*; *старикан*, *старикашка*, *старичишка*, *старичонка*, *старичье* и т.п. Определение *старый* основано на мнении и оценке:

– Как, и вы признаете именины? – засмеялась вдруг студентка, – сейчас о том говорили.

– Старо, – проворчал гимназист с другого конца стола.

– Что такое старо? Забывать предрассудки не старо, хотя бы самые именинные, а, напротив, к общему стыду, до сих пор еще ново, – мигом заявила студентка.... (Достоевский, *Бесы*).

Древнее (давнее) как итог произошедших перемен, по сути, не является ни лучшим и не худшим. Оно *иное*. Применительно к древности речь идет не о ценности, а о стоимости и достоинстве. Чем древнее вещь, тем большим антикварным достоинством она обладает.

В реальном мире не бывает ни нового, ни старого. Это определения не онтологические. Кто видел *нового зайца*, *новую березу*?

Скорее, говорится об еще одной реалии, чем-то не похожей на остальные. В языке на этот счет также существуют заблуждения. Примером может служить номинация *новорожденный*. Звучит странно: «в семье родился *новый ребенок*».

Год может быть *новым* и *старым*; ср.: *старый Новый год*. Это условные формальные определения. *Лето* как реальия не может характеризоваться новизной; оно *еще одно*¹⁸. Вряд ли оправдана номинация *новолетие*.

В белорусском языке применительно к древнему употребляются слова *старадаўні* и *старажытны*. Частью *-жытны* замечается реальность древнего, т.е. его эмпирическая жизненность. Вопрос «*Сколько ему лет?*» («*Сколько ему полных лет?*») – это вопрос о конкретном возрасте: сколько ему лет минуло. Подразумевается информация о количестве прожитых лет. Вопрос же «*Который ему год?*» предполагает представление о времени: «*Который вам годовок?*» – *спросил Кряков. – А что? «Да уж очень отзывается добрым старым временем!» – отвечал тот бесцеремонно* (Гончаров, *Литературный вечер*).

В русском языке бытует понятие «непрожитые годы». Моделируется следующая ситуация. Годы жизни такие-то и такие-то. А сколько он прожил лет? Может, он совсем и не жил – только был. Возможна непрожитая («праздная») жизнь. «*Мои года – мое богатство...*», – поет Вахтанг Кикабидзе. *Года – богатство, лета – состояние*. Кто прожил много лет и состоялся-«как» – не богат, но состоятелен.

Границы реального и действительного: *еще* и *уже*

Реальны факты. Презентация факта осуществляется дескриптивно. Факт – «*тот факт, что...*». Дескрипциями «*то, что..*», «*тот, что...*» осуществляется референция актуальной реальности. Местоимение же *это (этот)* перебрасывает факт за горизонт актуальности, делая из реалии предметное представление (видение).

Замечается, что дескриптивному *тому* непременно сопутствует наречие *еще* – *еще тот*. Им метится диапазон реального – актуально протяженная пора, когда еще реальное не превратилось в действитель-

¹⁸ Хотя: О праздновании Новолетия в Москве в 1582 году легат и иезуит Антонио Поссевино писал: «Летоисчисление московиты ведут от самого сотворения мира. Нынешний год, от рождества Христова 1582, они считают 7091 от сотворения мира. Начало года у них 1 сентября» (Википедия).

ное. Реально то, что «еще», действительное – всегда «уже». Различие между «еще»-реальным и «уже»-действительным – это различие процесса (хода) и результата. Реально то, что находится в процессе, т.е. в деятельности. Действительное всегда результативно. Молодость реальна, а старость действительна. Молодость есть на самом деле, а старость действительно имеет место.

Старость осознается как результат: *уже состарился; он уже старый*. Слово «уже» знаменует переход от субстанционального состояния в мир формы, с соответствующими определениями. Молодой – непременно «еще молодой». Позитивный смысл слова *еще* проявляется в возрастных дескрипциях: – *Вы еще мальчик. Вы не помните первых строек в нашей стране (Паустовский, Героический юго-восток). Еще ребенком он любил Природы дикой пышные картины (Лермонтов, Измаил-Бей). «А я чё... Да я ничё! Я молоденький ещё. Если конь не нарезвился. Не поделаешь ничё!»* – поет Валерий Курас.

Границы между молодостью и старостью весьма неопределенны. Что для одних – *уже*, для других – *еще*: *То были два или три учителя, из которых один хромым, лет уже сорока пяти, преподаватель гимназии, очень ядовитый и замечательно тщеславный человек...; Это был еще молодой человек, лет около двадцати семи, прилично одетый, стройный сухощавый брюнет...* (Достоевский, *Бесы*) (О Алексее Нилыче).

В этом же произведении один из заговорщиков один раз называется *мальчиком лет восемнадцати*, а другой раз – *крошкой*:

И, наконец, в заключение, один гимназист, очень горячий и взъерошенный мальчик лет восемнадцати, сидевший с мрачным видом оскорбленного в своем достоинстве молодого человека и видимо страдающий за свои восемнадцать лет. Этот крошка был уже начальником самостоятельной кучки заговорщиков, образовавшейся в высшем классе гимназии, что и обнаружилось, ко всеобщему удивлению, впоследствии (Достоевский, *Бесы*).

Не бывший, но экс-

Старое имеет временную проекцию и определяется как *бывшее*. Есть пора молодости и время старости. То, что есть актуально, или пребывало в каком-то состоянии, бывшим не бывает; оно минувшее. Для выражения понятия о минувшем в русском языке используется приставка *экс-*. *Экс-чемпион* не означает «прошлый, бывший

чемпион». Эта первая часть сложных слов латинского происхождения свидетельствует, что кто-то уже не состоит в прежней должности, сане – вышел из известного состояния: *экс-адмирал, экс-канцлер, экс-консул, экс-министр, экс-директор, экс-королева экс-президент* и т.п. Приставка *экс-* свидетельствует о неактуальности. Так, спортсмен, ставший один раз чемпионом, не перестает им быть. Требуется только уточнение периода, на протяжении которого он был признан чемпионом, напр.: *чемпион 1997 года по гребле* и т.п.¹⁹.

Грамматика определяет слово *есть* как форму 3-го лица, настоящее время от глагола *быть*; *есть* употребляется в качестве неизменяемой связки в составном именном сказуемом, обычно опускаемой: *он <есть> добр, он <есть> сердит* т.д. Восклицание «*есть!*» принадлежит к речи военных. Это выражение послушания; эквивалент – «*Слушаюсь!*».

Вряд ли слово *есть* относится к грамматической парадигматике. Скорее, оно принадлежит субстанции речи. То, что есть, не может быть ни бывшим, ни будущим. Оно вообще не может быть, т.к. есть. Мы утверждаем: «*Все может быть*». Однако то, что есть, – не всё. Коль оно *есть*, то как оно *может быть*? Вот как пишет *Andrzej Bańkowski*, автор *Etymologicznego słownika języka polskiego* (Warszawa 2000) (Autor o sobie):

Sens główny życia rozumnego widzi w wytrwałym poznaniu Boga – nie tylko jako sprawcy ułudnego świata fenomenów, mniej lub bardziej efemerycznych i satańskich, ale także i przede wszystkim w samej jego istocie – jako to wieczne JEST, co ani było, ani będzie, ani może być, niepodległe wolnym wyborom, nieodstępne od najlepszości, nieludzko koniecznie (Bańkowski 2000).

Слово *есть* говорит о причастности к бытию – неопределенной стихии мироздания. «Бытие свидетельствует только о том, что оно есть; меньше, беднее ничего нельзя сказать о предмете, как то, что он есть <...> его на самом деле уничтожить нельзя, некуда деть: отвернуться только можно от него или не узнать его в видоизменениях» (Герцен 1948, 150-151). «А истина... Да разве не существует она вне наших

¹⁹ Вот фраза из дипломной работы: «Много места в своем творчестве отвел Петру Первому Александр Сергеевич Пушкин, который был очень известным русским поэтом, прозаиком и драматургом». (Maleszewska Magda, *Эпоха Петра Первого в языке и литературе*, 2015). «А почему был?». Пушкин есть известный русский поэт, прозаик и драматург известного периода; его творчество не перестает быть актуальным и ныне.

мнений, вкусов, словесных определений?» – риторически восклицает Валерий Золотухин в статье о Владимире Высоцком (Высоцкий 1988, 151).

Слова *есть* и *быть* соотносятся с двумя уровнями бытия²⁰. Сущее непременно существует как воплощенное, т.е. доступное эмпирическому восприятию – зрению, слушанию, касанию и т.п. Оно обладает позитивными или негативными качествами – как *есть* (*Как есть, так есть*). Оно имманентно, т.к. в его восприятии человек не выходит за пределы собственного опыта: «*Я люблю – моя любовь*». В других понятиях имманентное существование осмысливается как несвободное, рабское. Релевантность в нем обретает понятие послушания. «Мое» – послушно мне. Послушание безлично.

Не надо образования, довольно науки! И без науки хватит материалу на тысячи лет, но надо устроиться послушанию. В мире одного только недостает: послушания. <...> Необходимо лишь необходимое – вот девиз земного шара отселе. Но нужна и судорога; об этом позаботимся мы, правители. Полное послушание, полная безличность (Достоевский, *Бесы*).

Глагол *быть* ориентирован на трансцендентное бытие, предусматривающее момент личностного становления – перехода, институционализации. Абсурдно звучит: *бывший отец*, но ср.: *бывший муж, мой бывший, бывшая жена; бывшие друзья*, но не бывает *бывших братьев. Бывшие, временички* – данность социально сконструированной институциональной реальности, где человек не живет, а, будучи субъектом права, пребывает-«как» – в качестве кого-л., т.е. играет социальную роль.

Не бывает *бывшего зайца, бывшей березы*, как не бывает *бывшего человека, бывшего сына*. Следовательно, есть мир, в котором ничто и никогда не бывает бывшим. Мир, о котором нельзя спеть, как Вахтанг Кикабидзе «*Вот и все, что было*».

По воспоминаниям современников, академик Л. А. Орбели на одном из совещаний услышал от холеного партийного функционера фразу: «Вы как бывший князь могли бы это хорошо понимать...». Орбели поднялся во всю свою крупную и импозантную фигуру и неподражаемо ответил: «Князь – это не должность, а порода. Нельзя сказать «бывший князь», как нельзя сказать «бывший сенбернар» (Л. А. Орбели в воспоминаниях современников 1983, 28).

²⁰ Вероятно, эти уровни подмечены в народных сказках с их традиционным зачином «Жили-были...».

В истории России известна социальная категории – *бывшие люди* «1) потерявшие свое положение, опустившиеся люди; 2) о лицах из эксплуататорских классов России, лишившихся в результате Великой Октябрьской революции своего привилегированного положения» (МАС, 2, 210). Ср.: Максим Горький, *Бывшие люди*.

Итак, реальность как вневременный и непреходящий существующий мир собственно одна и есть. В ней нет старости, однако есть возраст. Ей противопоставляется временная и не сущая *действительность*, с ее предметными определениями – *новое* и *старое*.

ЛИТЕРАТУРА:

- Бергер Питер, Лукман Томас: *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. Москва 1995.
- Борн Макс: *Физика в жизни моего поколения*. Москва 1963.
- Герцен Александр: *Греческая философия*, в: *Избранные философские произведения*, т.1. Ленинград 1948, с. 138-184.
- Гобс Томас: *К читателю. О теле*, в: *Избранные произведения*. Москва 1964.
- Жуковский Владимир: *Теория изобразительного искусства*. Санкт-Петербург 2011.
- Л. А. Орбели в воспоминаниях современников. Ленинград 1983.
- Лейбниц Готфрид Вильгельм: *Новые опыты о человеческом разуме*, в: *Сочинения*, т. 2. Москва 1983, с. 123-145.
- Ломоносов Михаил: *Труды по филологии 1739–1758 гг.*, т. 7. Москва-Ленинград 1952.
- Мельникова Светлана: *Пространство «духовного глаза» и апостольского подвига: образ Сибири в мемуарах дореволюционного православного духовенства*, «Вестник Томского государственного университета. Филология» 2015, №5 (37), с. 535-547.
- Миронова Татьяна: *Церковнославянский язык*. Москва 2009.
- Ортега-и-Гассет Хосе: *Эстетика. Философия культуры*. Москва 1991.
- Пешковский Александр: *Русский синтаксис в научном освещении*. Москва 1956.
- Семенов Анна: *Онтогносеология С. А. Франка*, «Ученые записки Казанского университета» 2012, т. 153, кн. 1, с. 153-165.
- Тимирязев Климент: *Жизнь растений*. Москва-Ленинград 1939.

Словари

- Popularny słownik języka polskiego*. Warszawa 2002
- Словарь русского языка*, в 4-х т. Москва 1981-1984.